

Расшифровка интервью

Дата: 05.07.2022

00:00:05

Ваш папа простой человек из деревни, он так многого добился, но у меня вопрос такой, а почему он фамилию поменял, простая фамилия, а он взял псевдоним? Вот как появился его псевдоним?

Дело в том, что да, действительно, многие задают вопрос на эту тему, почему взял псевдоним Гронский, хотя его фамилия, фамилия его отца была Абросимов, в крепости, в крепостное время, когда вышли из крепости, дали по имени Федул — Федулов, и уже в 19-м году Иван Федулов взял себе фамилию Гронский, это была явочная фамилия его отца, народовольца. Он работал в Петербурге вроде как половым при ресторане, но вел революционную работу, выполнял задания, и один из псевдонимов как раз была [фамилия] Гронский, под этой фамилией он и, в общем-то, погиб. Точной причины гибели отца не знаем. По одним данным, он в Петропавловскую крепость попал и был казнен, по другим данным, что он умер в больнице. А Иван Михайлович, он в память об отце взял вот фамилию, тем более что в это время он работал в ярославской газете «Известия», губернской, и надо было давать материалы туда, и иногда подписывал ВГ, Ваня Гронский, иногда Гронский, Федулов, разные фамилии, разные псевдонимы были. И я листала когда-то в архиве, вернее не я листала, а сын мой Дмитрий листал документы, газеты в Ярославле и видел вот эти вот подписи. Так что вот, ну, наверное, так.

00:02:59

Как интересно, как интересно. А он с вашей мамой уже в Москве познакомился, и я знаю, что у мамы был уже сын, ваш старший брат, то есть он взял женщину с ребенком, скажем так. Как они познакомились, вот как это было?

Значит, познакомились они в 1926 году в Коломне. Мама туда приехала к сестре с ребенком, так случилось, что она, гордая такая, уехала от мужа, решила, что больше она с ним не будет вместе, и приехала к сестре в Коломну. Сестра замужем за Есауловым, фамилия такая, Юрий Михайлович Есаулов. И там у него был товарищ, познакомились, проговорили ночь, как мама рассказывала, он выяснил ее отношение к семье, ее взгляды на жизнь. Ну, вот как-то они поняли, что они могут создать семью. И с тех пор они вместе были до конца, прожив более 50 лет совместной жизни, ну, правда, вмешались вот эти вот 15-16 лет, 15 лет в заключении.

00:04:39

Когда ваш папа приехал в Москву, он попал в круг, читаешь круг его знакомых — он и с Горьким был знаком, и с Шаляпиным, он даже с Блоком был знаком. Вообще удивительные какие-то, вообще просто не верится. Ну, я не беру всяких Рыковых, Ежовых и так далее, но вот сейчас Горький, Блок и так далее.

Хорошо сказано: всяких Рыковых, Ежовых.

00:05:02

С Блоком сравнивать — я бы так и сказал. То есть он попал вот так вот, и мама попала в этот круг, и их жизнь, наверное, изменилась. Ну, из Ярославской [области] — и вдруг жизнь изменилась. Вот как изменилась их жизнь?

Тут даже не знаю, как это покороче ответить. Понимаете, тут вот оно одно за одно зацепляет. Значит, он рос мальчиком в деревне, погиб отец, народоволец. Он, как старший, должен был идти в люди, как-то кормить семью или идти в люди и быть мужчиной в доме. Его мальчишкой, мальчонкой отвезли в Петербург. Вот там он... Сначала при ресторане мальчишкой там пристроили, потом на заводе, потом на другом заводе. Началась война. Он был связан с людьми, которые интересовались политикой, текущим моментом. И отец рассказывал, как он получил политическую грамотность. Он говорил, что товарищи покупали газеты, одну одну газету, другой другую. Газеты стоили дешево, за ними охотились, и вот придя домой, они прочитывали. Этот читал эту, этот — эту. И таким вот образом они занимались самообразованием и выполняли какие-то поручения революционных организаций. И в какой-то момент, я не скажу сейчас, я не помню где, там по одним вроде данным, что он на книжном развале увиделся с Горьким, а потом познакомился с Шаляпиным у Горького, потому что Горький его пригласил к себе домой. Он понял, что пылкий ум у этого молодого человека. И Горький всегда был просветителем, наверное, это у него качество всегда было, и относился к людям по-доброму. Там у Горького познакомился со многими известными людьми и стал

набираться культуры. Так вот деревенский парнишка в конечном итоге, пройдя войну империалистическую, потом участвуя в революционных событиях, был направлен на работу в Курске, потом поступил учиться в Институт красной профессуры, это 1921 год. Там получил знания и был направлен, ну, после некоторых изменений, его направляли вначале в Екатеринбург, но в итоге оставили в Москве и направили на работу в «Известия». В «Известиях» он в экономическом отделе начал работать, а потом уже и был замглавного и главный, и проработал в «Известиях» до января 1934 года, когда был снят и заменен Бухариным. Даже когда я пришла на работу, это, может быть, отступление, я пришла на работу в Институт геохимии и аналитической химии имени Вернадского в 1967 году, это уже прошло довольно много лет с 20–30-х годов, и в отделе кадров некто Налепин, забыла имя его, Леонид Иванович, он спросил, говорит: «Гронский, это после Бухарина?» Я говорю: «Нет, Бухарин был после него». Думаю: знает. А тогда не очень-то много говорили, тем более приоткрыли, а потом закрыли, как вы знаете, правду жизни, поэтому так это было удивительно, что он... А оказывается, он ходил с Молотовым, как говорили, носил за ним чемоданчик, это отступление.

00:10:38

Это очень важное отступление, очень интересное. Ну вот интересно, ведь Горький увидел его на развале, и, как я понимаю, они продолжали общаться, то есть они стали — не знаю, разница в возрасте — друзьями не друзьями. История с литературным институтом, например, то, что они с Горьким делали. То есть они продолжали общаться с Горьким, да?

Они продолжали долгие годы, но как я понимаю, что между ними были очень теплые, хорошие отношения, но и эти отношения были сложными. Ну, не знаю, я не думаю, что я смогу в большом объеме как-то вникнуть в эту проблему. Дело в том, что из книги его воспоминаний, «Из прошлого», она вышла, к сожалению, уже после его смерти, он готовил эту книгу, но нездоровье ему помешало. Он говорил, что из-за Бунина были разногласия, еще по каким-то причинам. Горький жил за рубежом и, хоть интересовался жизнью в России, но всё равно было ему, наверное, трудно на Капри понять, как живут тут, потому что это, ну, совсем другая жизнь. Хотя у него были делегаты из России, довольно много писателей, он приглашал, и они сами приезжали. Но идея организации литературного института кому принадлежала, не знаю, но Гронский принимал в этом самое активное участие. Есть книга, она выпускалась к юбилею, не знаю, может быть, к какому юбилею этого института. И там, значит, есть письмо Гронского по поводу того, как и что делать для организации факультетов этого института, потому что одни считали, что литературный институт совершенно не нужен, он лишний, другие считали, что нет образования народа, вышедшего из деревень и из малых городов, оно необходимо. Ну, наверное, необходимо, но, в общем, в свое время, наверное, в этом были перекосы и переборы тех же писательских кадров, которые организовывались в группы, и эти группы между собой спорили, враждовали. И у Горького на квартире, когда он уже вернулся с Капри или из Сорренто, не знаю, в общем, из-за границы, у него дома собирались не один раз комиссии, и отец об этом много говорил на встречах со специалистами, с любопытствующими людьми, рассказывал, как это всё проходило. Что члены правительства сидели, кроме Горького, писатели, и это дело обсуждалось много, несколько раз. К слову, надо заметить, что, сейчас не помню, чье полотно на встрече у Горького. Ну, понятно, что Гронского там нет, потому что его не было с 1938 по 1954 год. Поэтому его там тоже, на этой картине, нет.

00:15:21

Ну вот, читаешь... Я читал материал в интернете, не только посвященный, ну, относительно вашего отца, относительно литературных [нрзб], и везде написано, что основатели — он и Горький, два человека — и другие, в [их] числе другие, они главные — и другие, «и др.». Но две эти фамилии... То есть это говорит о том, что он принимал активнейшее участие и был не то что, может быть, он и был инициатором всего этого дела, как сказал бы Горький.

Может быть, я не знаю. Но то, что он был одним из организаторов и проводил в жизнь подготовку к первому съезду писателей, это совершенно точно, определено. Это большая работа проводилась, она не бумажная, а работа с людьми. Он привлекал писателей, перетягивал на сторону, колеблющихся перетягивал на сторону, ну, сейчас это странно, может быть, тяжело звучит, на сторону советской власти, потому что, ну, да, не все писатели были согласны с тем, что проводилось, а сейчас...

00:16:39

Да, да. Но Клюева он так и не перетянул, насколько я знаю.

Ну да, да. Да.

- 00:16:51 **В 1932 году...**
Да, и, простите, значит, и... сейчас. Сейчас, сейчас, сейчас.
- 00:17:05 **Да, да.**
Забыла.
- 00:18:38 **Это я вас перебил. Про союз писателей, организацию, или про Клюева?**
Нет, нет, ушла мысль. Ну хорошо, ладно, потом.
- 00:17:17 **А вернется она. Вот.**
А, организация первого съезда, а на съезде на самом он не был. И это всё вышло, и это написано в книге. Вы видели эту книгу?
- 00:17:38 **Нет, эту не видел.**
Нет, ну хорошо. Я не помню, мне кажется, в музее ГУЛАГа она должна быть.
- 00:17:45 **Должна быть, должна быть.**
Да, и, в общем, там этот вопрос освещен. Это были разногласия со Сталиным и [доклад]... Я боюсь вдаваться в детали, понимаете, боюсь наврать.
- 00:18:04 **Ну поверхностно.**
Да, да. Поэтому, когда шла подготовка к съезду, он принимал участие, самое активное, но на сам съезд он не пошел, потому что, когда возник разговор о докладе Луначарского, решили, что доклад сделает Луначарский, а Гронский, по-моему, был не согласен с чем-то. И он сказал: «Ну что же, мне не идти? Я тогда не пойду на съезд». Сталин сказал: «Пожалуй, да». И на том вопрос был решён.
- 00:18:56 **А он часто общался со Сталиным?**
С его слов, да. Часто. Хотя есть книги...
- 00:19:05 **Извините, пожалуйста, Светлана Ивановна, вот о чем мы говорили: он...**
Да, да, да. Отец часто виделся, общался со Сталиным, хотя есть книга посещений Сталина, и там буквально 5–6–7 посещений отмечено в таком-то, таком-то году. Это, видимо, не всё было зафиксировано, не все посещения там были зафиксированы, потому что бывали случаи, когда отец рассказывал, что он приходил с какой-то встречи нужной, приходил домой, иногда уставший, предельно уставший или выпивший, потому что нужно было для дела это, для разговора. И он думал, что он сейчас вот отдохнет, — звонит Сталин и, значит, говорит: «Вы что, вы как?» Вот только что пришел, и он ему в двух словах рассказывает. «Можете ко мне прийти?» А жили, можно сказать, Дом правительства, он напротив, только мост перейти. Отец шел к нему и рассказывал о встрече, которая у него только что прошла. Потом возвращался домой, как он говорил, принимал холодную ванну и ложился отдыхать, а утром опять вставал — и либо СТО, Совет труда и обороны, либо другая комиссия в Кремле или где-то, и таким вот образом, можно сказать, истратил себя очень быстро. У него начались головные боли сильные и так далее.

00:21:20

Светлана Ивановна, везде написано, с небольшим знаком вопроса, что Иван Михайлович в 1932 году написал статью, где впервые употребил термин «социалистический реализм», и что он считается автором термина «социалистический реализм». Это так на самом деле? Расскажите об этом, пожалуйста, что вы об этом знаете?

Ну вот это трудный вопрос, он, знаете, вопрос о социалистическом реализме идет... Вот в 1932 году, в мае месяце, в апреле и в мае, об этом была публикация в центральной печати — и в «Литературной газете», и в «Правде», ну, наверное, и в «Известиях». И вот с тех пор и по сию пору, только вот недавно сказали, что, мол, не надо нам никакого социалистического реализма, но из уст отца это, по-моему, звучит нормально, или я просто ничего не понимаю, что, мол, спрашивали: что это такое? Пишите правду, вот и всё. Вот его, коротко можно сказать, это так.

00:22:39

И это будет?..

И это будет социалистический реализм. Хотя вот, если вы разрешите, я бы хотела потом взять выдержку прочитать, и там более четко, более ясно сказано, что сначала было предложено. Давайте я возьму эту...

00:23:01

А мы можем отдельно это снять?

Хорошо, хорошо, да.

00:23:05

Потом запомним.

Потому что, понимаете, это такой дискуссионный вопрос, в который я просто не могу влезть.

00:23:14

Но ваш папа был автором этого термина?

Ну, романтический... Сейчас я боюсь сказать, где, что. Да, да.

00:23:28

А что да, Светлана Ивановна? Да, что папа был автором? О чем мы с вами говорили?

Вот давайте я лучше потом вам выдержку прочитаю.

00:23:36

Хорошо.

И в книге это тоже есть немножко. Я не хочу, понимаете, залезать туда, где я начну вот так вот между сосен ходить.

00:23:53

Не надо, не надо.

Сейчас я прикрою здесь.

00:23:56

До 1934 года.

Чтобы не было такого сквозняка.

00:23:59

Да. После... Кажется, с 1934-го по 1937-й он был ответственным секретарем «Нового мира» или главным редактором «Нового мира»?

Он был с 1931-го по 1937-й, по-моему, с 1931-го, если я не ошибаюсь.

00:24:20

А, с 1931-го.

С 1931 года по январь или по февраль 1937 года, да, он был главным редактором. Там одно время была редколлегия, но вообще он главный редактор. И в связи с этим он, конечно, много много говорил с писателями, встречался, беседовал, убеждал, пытался. Всё, что нужно было для страны, за которую он боролся, делать, он всё это старался донести до писателя, который, положим, колебался, ну да, был в чем-то не уверен. Он доказывал, рассказывал. И у него было огромное количество людей, и художников, и артистов, писателей, поэтов, с которыми обсуждались эти вопросы. И сейчас скажу, как же это называлось, я забыла. Я забыла. Ему было... Нет, сейчас не вспомню. Это надо было мне немножко продумать, может быть, раньше.

00:25:58

Светлана Ивановна, вы сказали, что с 1931-го по 1937-й он был главным редактором, но вы не назвали «Новый мир». Назовите, пожалуйста, что он был главным редактором «Нового мира».

С 1931-го по 1937-й год, по февраль или март 1937 года, отец был главным редактором, тогда это называлось ответственным редактором, журнала «Новый мир». Это в те годы один из главных журналов страны, где публиковались самые первые писатели. И, конечно, отец с ними встречался, беседовал, со многими из них имел очень близкие, дружеские отношения.

00:26:49

Он же печатал, наверное, и Васильева, который был, собственно, вашим родственником. Расскажите об этом.

Знакомство с Васильевым, пожалуй, и началось отсюда. В тридцать...

00:27:03

Давайте переговорим, здесь был брак по звуку. Знакомство с Васильевым — можно с этого момента?

00:27:10

Папа был знаком... Знакомство с Васильевым Павлом Николаевичем, тогда он был молодым юношей, он и погиб молодым, 27 с половиной лет, знакомство их состоялось в газете «Известия», где какое-то время находилась и редакция «Нового мира». Вот, кстати, у меня есть несколько номеров «Нового мира» с Павлом Васильевым. Там, по-моему, если не ошибаюсь, есть «Принц Фома». Но это более позднее время, когда он уже побывал в рязанской тюрьме, Павел Васильев. Отцу понравился Васильев, произвел на него хорошее впечатление своим талантом, наверное, может быть, порывистостью. Он его пригласил к себе, чтобы послушать побольше, узнать его поэзию. И он ему сначала показался немножко, может быть, чуть-чуть заносчивым, самомнительным, самомнение завышенное, с завышенным самомнением. И он его немножечко где-то, видимо, осадил, чуть-чуть покритиковал, но он понял сразу же, что это юноша талантлив. Ну и пригласил к себе домой, так же, как многих он приглашал. И вот эта встреча состоялась в Доме правительства, куда он приходил потом уже гораздо позже вместе с Еленой, с которой он познакомился не благодаря Васильеву, не благодаря Гронскому, а там Елена работала в издательстве, куда тоже приходил Васильев. Ну и это была уже как бы повторная встреча, так вот завязалось знакомство их более короткое, они сошлись, и Васильев вместе с Еленой стали бывать в доме у Гронских, в Доме правительства. У отца была большая хорошая библиотека, книги он собирал всегда. Прежде всего книга, а потом уже хлеб насущный был. Он и на книжных развалах, и везде, где видел хорошее что-то, интересную литературу, он обязательно покупал. К этому его привлекли или, как это сказать, ну не найду этого слова, те люди, с которыми он был знаком в 1914 году, вот они на него такое сильное влияние имели, эти люди, что с тех пор любовь к книге. Ну, наверное, она была и до того, а тут уже более осознанно, потому что ему уже было 18 лет, он уже как-то многое понимал в жизни, был в революционном движении, собирал и политическую литературу, и художественную. Много, правда, он читал, как он сам говорил, что «я прочел монбланы книг, но это было бессистемное чтение». И на это ушло время, чтобы в голове потом всё улеглось, отсортировалось. Конечно, когда тебя направляют, как он пытался потом мне это вкладывать в голову, там направлял — это, это, это. Не всё пригодились из того, что он мне давал и советовал. Кто-то на меня не произвел впечатления, а кто-то формировал сознание. Ну вот, может быть, я немножко так отвлекаюсь.

00:31:56

Ой, нам так и надо, вот отвлекайтесь. Вы только скажите, кто такая была Елена?

Елена — это мамина сестра младшая, у мамы две сестры, их было три сестры, как у Чехова. Старшая Ольга, средняя Лидия, моя мама, и младшая Елена. Ольга замечательна, примечательна тем, что не выехала из Москвы во время окружения немцами Москвы, оставалась работать. И благодаря ей сохранились фотографии, какие-то раритетные вещи, вещицы, потому что Ольга не была арестована и всё, что она сохранила старинного, старого, от мамы, от папы своих, оно осталось и даже вот присутствует в этом сейчас объеме, и меня это греет до сих пор. Хотя кто-то, может быть, скажет, что это не нужно, это атавизм, что это она уже...

00:33:12

Это неумные люди, знаете, мы не будем их осуждать. Это на самом деле греет, да.

И вот, значит, Ольга, она спасла фотографии, раритетные вещи. Мама после ареста отца в 1938-м вынуждена была, и с нее взяли расписку, что она выедет в течение двух недель или месяца, я не помню, она на пере... В общем, она должна была выехать из квартиры и в какой-то квартире маленькой, в коммунальной, в небольшой коммунальной, там же, в Доме правительства, пережидала, а потом выехала в Ярославскую область. А Елена, младшая Елена, вот не знаю, задом наперед немножечко получается с этим со всем. Елена, став женой Павла Васильева, второй женой, потому что первая жена была Галина Анучина, и у них появилась дочь. Не знаю, вот где-то это было... Брака не было ни там, ни там зарегистрированного, но, значит, Васильев писал и письмо Галине Анучиной с хорошими словами и со стихами, и был с Еленой. Ну, так складывается иной раз в жизни. И Елена... Да, Павла арестовали 6 февраля 1937 года. Это был третий, последний арест его, после которого он не вернулся и был расстрелян на рассвете 16 июля 1937 года, а Елена была арестована ровно через год после Павла, 7 февраля 1938 года. Следствие длилось где-то месяца полтора, я читала дело, ничтожное дело, но она была арестована как член семьи изменника родины. Такая была статья, наверное, она известна, ЧСИР. И затем ей дали восемь лет, потом, которые она поехала отбывать в Темниковских лагерях в Мордовии, потом в Сегеже на Карельском полуострове, потом в Казахстан и там в нескольких местах была. И в итоге она осела потом под Карагандой, в поселке Актас, куда и мы с мамой и сестрой приехали ожидать отца из лагеря. Ну вот так немножко получилось, не совсем, может быть, по порядку, но в общем...

00:36:28

То есть, по сути, она, будучи не расписанной и не являясь официальной женой Васильева, была привлечена, что называется, как официальная жена?

Да, она... Значит, есть такой интересный альбом, он находится в музее Луначарского, и в этом альбоме есть... Этот альбом составлен Павлом Васильевым и Еленой. Каким образом он составлен был, для меня несколько загадка, потому что... Ну, не будем сейчас про него говорить, но в этом альбоме есть фотографии Павла Васильева, портреты его, автопортреты и есть записка, что, мол, «прошу деньги выплатить моей жене Елене Вяловой». Это уже тоже документ. И в следственном деле она как жена идет. И еще... Да, и, по-моему, в деле Павла Васильева, — сейчас я боюсь, конечно, сказать абсолютно точно, я люблю, знаете, когда говоришь, чтобы это подтверждалось документом, — что там в его анкете арестованного указана жена Елена Вялова и дан их адрес. Это 4-я Тверская-Ямская, дом 26, квартира 10. И стихи, посвященные Елене, чтобы почтальоны долго не искали. «Им сообщу с предсумрачной тоской». Ну ладно, потом я лучше это прочитаю.

00:38:30

Хорошо. Светлана Ивановна, по роду своей деятельности ваш папа общался не только с писателями, но еще и, естественно, так сказать, с властью, и с Егоровым он был знаком, и с Ежовым он был знаком. И вот по поводу Ключева, эту историю вы можете рассказать? Нет, если нет, не надо, не будем. Как он просил, всё, не будем, да. И он, во всяком случае, то, о чем вы говорили, он был совершенно искренний, абсолютно преданный человек. И он пишет, что, когда его вызвали на Лубянку, он пошел туда совершенно спокойно, откуда он не вернулся. Расскажите об этом.

Ну, я думаю, что сердце его, может быть, и дрогнуло.

00:39:10

Расскажите: «его [сердце] дрогнуло, когда его вызвали». Меня нет.

Отца арестовали в ночь на 1 июля 1938 года. Он договорился с мамой, что, как только она освободится, она придет туда, где будет находиться он. А он пошел на день рождения к Дому

писателей, это Лаврушинский переулок, к Берте Брайниной, с которой был знаком. Я никогда, в общем-то, не слышала этого имени, и, когда отец уже ушел из жизни, я сама начала копать, раскапывать, что, почему, меня мучило очень, думаю: ну как, ну почему? Он пришел к этой Берте Брайниной, туда позвонили — видимо, знали, что он там, — и вызвали его в НКВД. А, как и он говорил, и мама говорила, что его иногда вызывали, и там какие-то, ну, о ком-то спрашивали, как-то это, какие-то разговоры велись. Но поскольку он говорит, что «я со спокойным сердцем», ну, вернее, совесть его была чиста и «я шел спокойно», я думаю, что не шел он спокойно, потому что кругом были аресты, и как мама рассказывала, что окна в Доме правительства, тут гасли окна — она образно рассказывала, — тут погасли окна, тут погасли окна, это были аресты. Так она мне говорила, когда я еще, ну, такой уже девицей была. Как-то мы шли с ней мимо Лубянки, и мама перешла на шепот. «Вот в этом доме, — говорит, — был арестован папа». Ну и всё. Там он пробыл, там и в Бутырской тюрьме он пробыл 11 месяцев. После этого назначили этап. Этап, как я понимаю, был тяжелый. Где-то месяца полтора — около двух они шли из Москвы, ну, шли как — на поездах до Котласа, потом... Сейчас вот не помню, надо было мне, может быть, освежить немножечко. Потом на пароходах, на баржах — и пришли в Воркуту, через Архангельск. Там, конечно, он со многими познакомился, а со многими и встретился. Там, например, была и Анна Петровна Петрушанская, которая была женой разведчика, а вообще она была актриса, ну и сама она была разведчицей. И сначала был арестован ее муж, а потом и она сама. Ее забрали от мальчика ее, сына восьмилетнего, который лежал с большой температурой, его отстранили, а ее увели. Мальчик остался с няней и привык настолько к няне, что считал ее мамой, и потом, когда Анна Петровна вернулась из лагерей, он долго не мог ее признать. Долго не мог привыкнуть к ней и даже назвать мамой. Ну, вот такая вот черточка. Я, наверное, отвлекаюсь немножко.

00:43:40

Нет-нет, всё то, что нам нужно, всё очень правильно. А еще папа дочь Рыкова встретил, я читал.

Ну да, они вместе работали в прачечной.

00:43:53

Вместе с дочерью Рыкова, произнесите, пожалуйста.

Ой.

00:43:56

Нет, это всё нормально, я понимаю, сам проговорю.

Ну, в лагере, конечно, за 14 лет отец встречался со многими людьми, многим помогал пережить это трудное время, когда, что там говорить, когда нет не только еды, обуви или духовной пищи, всё было трудно, и погодные условия, за полярным кругом жизнь шла. И там он встретился с Натальей Рыковой, как он называл, Наталка. Он ее знал еще до ареста. Наталка — это дочь Алексея Ивановича Рыкова, того человека, который сменил Ленина, председатель правительства. Он... С кем еще?.. Я так сейчас вот...

00:45:15

И про прачечную, они в прачечной работали.

А, да, прачечная. Ну да, работали они в прачечной. Но вообще, Наталья Алексеевна, я к ней приезжала и позже, после уже ухода отца, я к ней приезжала домой, на 3-ю Бойцовую улицу, потом сюда, на Ордынку, где она уже так вот жила, вполне в таких хороших, нормальных, достойных условиях. И я хотела, чтобы она рассказала про жизнь там, на Воркуте. Но много... И отец не рассказывал много о лагере, и Наталья Алексеевна много не могла рассказать. Но что она работала с отцом в прачечной, ну да, говорила, конечно. И работала она в медпункте, как это сейчас сказать, оказывала помощь. Кстати, и Анна Петровна тоже, Петрушанская, она тоже там в медпункте работала, и даже в какое-то время, — она рассказывала мне это, но я могу только детали какие-то сказать, потому что уже конкретики я не так много помню, — но она говорила, что «больных людей приводили в медпункт и мы многим помогли спастись от тяжелых работ, потому что это были, часто были уже доходяги, потому что если их не оставить на больничной койке, они просто уйдут на тот свет».

00:47:24

Светлана Ивановна, а когда папу забрали в 1938 году, он несколько месяцев провел здесь, и он что-то об этом рассказывал? Он же там с Ежовым встречался, ну, так получилось. Какие-то истории такие вы можете, вам удобно вспомнить его рассказ?

Это изложено в книге.

00:47:47

Да, это в книге всё, да, у нас другое.

Ну, вот мне надо было, может быть, просто немножечко пролистать, потому что у меня, знаете, объем вот этого всего очень большой. И я хотела бы освежить что-то, но что именно освежить, я не знала. Потому что и по Павлу Васильеву можно что-то говорить, и по отцу, и по Елене, понимаете? Да, я, значит, если говорить об аресте отца, я читала его дело, ходила не на Лубянку, на Кузнецкий Мост, 22, читала это дело, кое-что выписывала, боялась, что меня в любую минуту остановят, скажут: это нельзя, это нельзя и так далее. Но я кое-что повыписала себе, и я помню из рассказов отца, что он говорил, что его не брили долгое время и сидел он вообще без вызова на допрос, где-то чуть ли... Сейчас скажу. Он был арестован 1 июля, а как это, бланк об аресте, как он называется?

00:49:27

Постановление?

Нет, нет-нет-нет. Ну вот не знаю.

00:49:32

Об аресте, ну бланк об аресте, постановление, ордер на арест?

Ордер, да. Вот это прекрасное слово забыла, ордер. Ордер на арест был написан 15 сентября 1938 года, то есть полтора месяца он находился в тюрьме без, так сказать, санкций. Его взяли — и всё, и держали там. А потом дали через какое-то время бумагу, чтобы он что-то писал. Потом были допросы, и он вот говорил, что мыться не водили, но белье прожаривали, чтобы не было насекомых. И в какой-то момент к нему пришел Ежов, с которым он был знаком: «Ну что, Иван, пишешь?» — «Нет, не пишу и писать не буду». Ну как-то вот так вот шел разговор. Хотя он пытался, наверное, что-то изложить, но сложно было, потому что перед арестом он вступал на защиту и Павла Васильева, и Тухачевского, и Пильняка, и многих других, поэтому что тут? Самое главное было не подставить кого-то под удар. И вот этот человек, пришедший к нему в камеру, — «Пишешь?» — это был Николай Иванович Ежов. Может быть, не надо было бы отчество говорить, ну так, чтобы не перепутать с каким-то другим Ежовым. Да, что-то Ежов ответил и ушел, а через какое-то время, когда вызвали на допрос и стали задавать вопросы о членах правительства, о всех тех, как это теперь называют, руководителях организаций правительственных и не только их, — а отец работал в газете главным редактором, поэтому у него, конечно, было безумное количество народу знакомых, — и ему стали задавать вопросы, знает ли он этого, этого, этого. Он говорит: «Проще сказать, кого я не знаю». Входит потом следователь, это есть в книге, он пишет, что, мол, сознался, что он знал этого, этого и этого, Бухарина, Зиновьева, Каменева, еще там кого-то. Ну, и я забыла.

00:53:05

Это молодой следователь, который спросил у него [нрзб]?

Да нет, я это сейчас помню, я...

00:53:11

А это он сказал, что он работал среди них, он не мог их не знать.

Нет, это я всё понимаю. Я там должна была одну такую...

00:53:21

Про Ежова, что Ежова забрали.

Да, вот к ней как-то подойти, а я забыла.

00:53:24

А он сослался на Ежова, ему говорит: «Ты этого...»

Да, вот это у меня, сейчас как...

00:53:31

Ну своими словами.

Ну да, он сказал: «Вы можете спросить у Николая Ежова. Он знает, что я...» Ну да, и Ягоду он знал, естественно, они все общались. Они все общались. Ну и из ответа он понял, что Ежов арестован. А через какое-то время к нему пришел, видимо, Берия, и когда он спросил... Лаврентий Берия спросил, в чем он нуждается, отец сказал, что «ни в чем». «А что бы вы хотели?» Ну, какой-то между ними такой вот был разговор, наверное... Смягчающее обстоятельство, что ли, вот этого сидения, этих допросов, а они были конвейерные, это тяжелейшее, когда ты там ответишь на вопросы, просидишь там сколько-то, тебя отпускают, а потом вскоре опять вызывают. И этот вот конвейер, он не кончался, изматывал силы. И Берия спросил: «Что бы вы хотели?» Отец сказал, что он хотел, чтобы семью не тронули. И семью действительно не тронули. Хотя мама уехала к матери Ивана Михайловича в деревню Долматово, глухая деревня, и туда приезжали с обыском. А случилось так, может быть, я повторяюсь, случилось так, что мама поехала сделать передачу в Москву и ее на вокзале, к ней подошел человек, сказал: «Сдайте билет, мы едем к вам с обыском». «Ну как же так, — говорит, — я должна передачу сделать. И у меня не примут». — «Всё примут». Сдали, всё, и мама на этом бьюике или что-то, не знаю, какой в Ярославской области был, поехали в деревню, где никаких дорог, кроме проселочных, не было. Сделали обыск, и они всё смотрели, даже мама говорит, что можно было бы кое-что утаить, там положим, потому что там один чемодан, они спросили: «Что тут?» Она сказала: «Белье». Ну действительно, там трое детей и она, там могло быть белье в чемодане, и они не тронули. А так вообще весь архив, как в деле потом было написано, 13 тюков — ну что такое тюк, какой он величины — было взято. И где этот архив, никто не знает. Папа искал архив свой. Ну ладно, понятно, что в те годы он мог и не найти его, потому что всё закрыто было. А я уже в 1990-е годы писала в Ярославль и здесь вот подавала в какие-то, ну, туда. И пришел ответ, что архива нет либо он расформирован, поразным раскидан. А там были очень важные письма, как мама говорила, да и отец рассказывал, что там были письма и Горького, и Ромена Роллана, и, может быть, записки Сталина какие-то, и, может быть, еще что-то. Большая хорошая папка была с документами. Ну и всё.

00:57:53

Это тот архив, это архив папы, который мама забрала с собой после ареста?

Из Москвы, да. Когда отца арестовали, мама не знала, где он. Думала, ну, в гостях задержался или уехал к кому-то из товарищей на дачу. Так бывало, что заночуют где-то, и это было нормально. День нет, два нет. Но на следующий день почему-то позвонили, как мама говорила, из «Известий». И спросили: «Где Гронский?» И вот тут она забеспокоилась. Она забеспокоилась, потому что уже шел третий день, а ни слуху ни духу не было от отца, и стала искать. С сестрой они ходили, с сестрой Ольгой ходили туда, туда, туда, пока кто-то ей не сказал, что Гронский арестован. А вообще ее научили, что «передайте деньги, и где примут, там он и есть». Ну, наверное, это практиковалось. И мама стала собирать вещи, поскольку ей было сказано, пришел комендант и сказал, что надо освободить квартиру. Обыска в квартире не было. Мама собрала все вещи, могла, конечно, кое-что отдать, может быть, или оставить Ольге. Но у Ольги маленькая квартира, она жила в коммунальной квартире на Малых Кочках, это здесь вот недалеко, теперь это улица Доватора. Книжки, часть книг продали, материалы, какие мама посчитала возможными, материалы, картины, картинки, фотографии, документы, всё-всё-всё упаковали, посуду. Ну, что было делать? Всё собрала и, значит, уехала с этими вещами, приехала на вокзал, а на вокзале толпы народу, кто под лавкой, кто на лавке. И мама поняла, что мама не уедет, в отчаянии была. Приехала, ну, по какой-то причине назад, а ей комендант говорит: «О, я вам сейчас всё сделаю». И написал бумажку, такую справку, что срочно выселить, выдать билеты в связи с арестом. И мама радостная, что дело как-то это сдвинулось, решилось, поехала, взяла билеты, и так они из Москвы уехали. И вот приехали к матери Ивана Михайловича в деревню Долматово и стали там жить. Деревенский дом большой, хороший, с хлевом, с коровами, с телятником, с курами. Но там долго не жили, потому что Игорю надо было в школу, Вадиму тоже надо было в школу, это старшие мои братья. А работать там совершенно негде было. Ну и вообще, наверное, четыре человека плюс собака — как-то немножко это сразу нарушило тот деревенский ритм. И мама стала искать возможности в Любиме устроиться на работу. Это особое дело, устроиться на работу в маленьком городе, да еще и жена арестованного. Это отдельный разговор. С большими затруднениями мама работала до войны, она работала... Значит так, бабушка дала свой, ну мама так называла и брат называл, курятник. Это небольшая изба, которую привезли в Любим, перевезли, поставили на окраине. С одной стороны это последний дом был, с другой стороны через дорогу было кладбище, большое кладбище, и церковь. Устроились как-то и стали жить хорошо, ну как, относительно хорошо, потому что мужчины в доме не было. А до этого помыкались по углам, то в одном доме, то в другом доме. И мама тогда поменяла, сколько же она работ поменяла? Придет... Кем она могла работать? Она же в Москве работала, нет, не работала. Она училась в АХРовской студии у художников Бакшеева Василия Николаевича и Иогансона. И какое-то время работала, писала декорации в театре Немировича-Данченко, задники. Она до этого, до театра работала в секретариате по подготовке первой всесоюзной фотовыставки, которая

устраивалась в парке Горького, и есть фотография, где мама там вместе со Свистуновым, он как начальник, что ли, руководитель был. И конкурс, отбирали на конкурс фотографии со всего Союза. Без мамы этот [конкурс], вот этот отбор не проводился, считались с ее мнением, эстетическим, скажем так. И приехав в Любим, мама не могла, конечно, найти себе работу, кем она могла быть? Маленький городок, где три-четыре тысячи жителей, и все жили своими огородами. Какая там промышленность? Никакой. Ну, больница, ну, школа. И в какой-то конторе она там поработала бухгалтером, ее поучили. Потом она уехала вместе с семьей, домик сдали кому-то, какому-то военному, а вместе с семьей мама уехала в Ростов Великий, Ростов-Ярославский. И там ее приняли на работу в финифтину артель. А финифтина артель, тогда не на иконах они производство делали свое, а пуговицы, броши. И у меня дома есть и пуговицы, и брошь. Но брошь, правда, потом брат оформил уже, так была она как полуфабрикат. Она нарисована, обожжена на металле была, а он ее потом оформил в брошь. И проработала мама там где-то тоже не очень долго, потому что тут подошла война и кто-то прислал ей такую информацию, что, мол, этот вот военный может у тебя дом отобрать, что, мол, возвращайся назад. Ну, мама в отчаянии, потерять ту единственную площадь, помчалась назад, стали жить здесь, и на лесоразработках работала, потом уже в детском доме, в госпитале. Ну, вот так вот.

01:07:04

А они переписывались с папой, да? Как началась эта переписка?

Они переписывались, конечно. Первое письмо... Значит, поскольку у отца был длительный период в тюрьме, мама не имела никаких сведений, она только засылала, в прокуратуру несколько, видимо, писем посылала, потому что есть ответ. Есть эти бумаги, ответ из этого ведомства, что, мол, дело рассматривается или что-то, или письмо принято. Несколько раз мама ездила в Москву на передачу, но она не имела никаких сведений об отце и от отца, что и как с ним. Она ходила и на Кузнецкий, нет, на Поварскую, в прокуратуру, а там, я помню, мама рассказывала, что это очень... Даже не знаю, слово не могу подобрать. Идешь в один кабинет, из этого кабинета отправляют в следующий, из следующего в следующий, и так вот потом до первого. То есть и никаких, в общем, никакого толку. И первое письмо от папы пришло в июне 1939 года. Он прислал открытку, а потом подробное письмо. Как оно дошло до мамы и каким образом оно было передано, непонятно, потому что конверта... А, ну да, конверты не сохранились. От многих писем конверты не сохранились. Но оно было сложено. Я потом покажу это письмо, написано карандашом, едва читается. Я его расшифровывала когда, просто каждое слово трудно прочесть. И он рассказывает о том, что и как было за эти месяцы. Вообще, он прислал открытку, что, мол, Лида, если есть возможность, вышли срочно пальто, сапоги, шапку. Мама всё это срочно выслала, но оно уже опоздало, потому что почта ходила довольно долго. Так что вот. Конечно, ни мама, ни отец вот этих фотографий не видели. Это из личного дела. Уже после смерти их. Ну, из тюремного, понятно. Есть три справки реабилитационных. Я не буду их зачитывать. Или зачитать?

01:10:39

Ну можно зачитать.

Значит, вот в 1954 году, когда шла реабилитация, это было выдано военной коллегией Верховного суда СССР. И справка говорит: «Постановлением пленума Верховного суда СССР от 18 марта 1954 года приговор военной коллегии от 8 марта, мая 1939 года в отношении Гронского Ивана Михайловича отменен и уголовное дело о нем производством прекращено за недоказанность предъявленного ему обвинения. Григорчук». И меня один товарищ спрашивает: «А почему уголовное дело?» И я ему не могла ничего ответить. Ну, так написали в военной коллегии, военная коллегия. А вот уже в 1988 году дали немножечко другую формулировку, что «Гронский Иван Михайлович был необоснованно осужден 8 мая 1939 года военной коллегией Верховного суда СССР к 15 годам лишения свободы с поражением политических прав на пять лет. Ему было предъявлено обвинение в участии в антисоветской организации и проведении вредительства на литературно-идеологическом фронте. А 18 марта 1954 года Гронский И. М. был реабилитирован постановлением пленума Верховного суда СССР. Прекращенное дело было направлено для дальнейшего хранения в центральной архив КГБ СССР. Сведениями о личном архиве Гронского не располагаем. Начальник секретариата военной коллегии Верховного суда СССР, А. Никонов». Это не тот Никонов, который?

01:12:59

Молотов? Нет, не тот.

Не тот, да? А потом уже Шелковой. Но тут уже, тут уже я всё-таки позволю себе зачитать, потому что здесь уже новые данные. «Дело по обвинению Гронского Ивана Михайловича 1894 года рождения, до ареста 1 июля 1938 года ответственный редактор издательства Всесоюзной

академии архитектуры, необоснованно осужденного по статьям 58-7, 17-58-8 и 58-11 УК — это же уголовный кодекс, да, как они пишут, — РСФСР к 15 годам ИТЛ за участие в антисоветской диверсионно-вредительской и террористической организации пересмотрено пленумом Верховного суда СССР 18 марта 1954 года. Приговор военной коллегии Верховного суда СССР от 8 мая 1939 года в отношении Гронского Ивана Михайловича отменен и дело прекращено. Гронский И. М. как жертва политических репрессий по данному делу полностью реабилитирован. Начальник отдела военной коллегии В. И. Шелковой».

01:14:37

Тут еще и террористическое...

Ну да.

01:14:42

Еще и терроризм. Светлана Ивановна...

Терроризм в годы, когда он был эсером. Некоторое время.

01:14:50

Светлана Ивановна, он вспоминал, вот я читал, об условиях содержания в советской тюрьме и в царской, где он тоже успел посидеть.

Да.

01:15:00

Он вам рассказывал? Расскажите об этом, пожалуйста.

Знаете, папа собирался, долго собирался и много написал воспоминаний, но в них не хватало каких-то деталей по... Знали, что он был на Воркуте, за полярным кругом и там провел все эти 15, 14 лет. И его и я спрашивала, и мама иногда пыталась разговорить, чтобы он что-то рассказал. Он не рассказывал. В общем, это, наверное, такая, довольно тяжелая страница и, может быть, не такая яркая. Конечно, он говорил, что там и условия трудные, и он был как расконвоированный, ему разрешалось выходить за пределы лагеря, и к нему там обращалось множество людей. Он помогал, повторяюсь, помогал им в той ситуации выжить, не потерять себя, не потерять лицо, и ему многие были благодарны за это. Конечно же, о сидении или о том времени, когда он сидел на Лубянке, он не рассказывал. Это где-то, может быть, вскользь было сказано, но подробностей, как у Солженицына, где он рассказывает подробно о своих переживаниях и о переживаниях своих героев, нет, отец не рассказывал. Но когда пришли к нему молодые люди, историки, сидели за этим большим столом, они спрашивали его и о той тюрьме, и об этой тюрьме. И отец приводил примеры того, как в царской тюрьме он имел возможность читать книги, писать, на прогулки водить. В советской тюрьме этого не было. Коротко это так.

01:18:10

И вот началась их переписка.

Да, мы про... Так, вот про переписку, значит...

01:18:21

Вам водички, может?

01:18:24

Про переписку хочется сказать. Мама сохранила много писем отца из лагеря, и часть из них фигурирует в книгах. В книге «Из прошлого» и в другой книге, «Наброски по памяти», там это мамыны воспоминания. И поначалу эта переписка была довольно оживленной, а с какого-то времени отцу разрешалось писать, отправлять только два письма в год. Поэтому мама сохранила то, что сохранилось. Больше ничего не скажешь. А отсюда, с большой земли могли отправлять столько, сколько будет послано.

01:19:36

Светлана Ивановна, он пишет еще... Он же организовал, помогал организовать

условия пребывания женщин, вот эти бараки, где они организовывали, помогал. Он много очень что делал уже в лагере потом. И начальник лагеря, он описывает эту историю, ходатайствовал о снижении срока или вообще о его досрочной реабилитации, и Сталин... Расскажите эту историю. [Сталин] вмешался.

Поскольку отец пришел в лагерь и был известным там человеком, хотя кроме него там много было известных людей, но всё-таки в чьих-то воспоминаниях я вижу, что кто-то пришел посмотреть, как Гронский делает гвозди. Гронский, редактор газеты, куёт гвозди. Гвозди нужны были стране, значит, ковал гвозди. Но он, кроме этого, работал в шахте, он работал, когда было большое, достаточно большое воровство на кухне — а еда, понятно, что от еды зависела работоспособность людей, — и надо было наладить работу в этой столовой, то к нему начальство обратилось и взяло его заведующим столовой, где он, как мог, как он считал нужным, наладить это дело. То есть взял контроль и чуть сам не пострадал от этого, потому что он должен был отследить, чтобы мясо не откладывалось в сторону для начальника какого-то там, масло не отливало. За счет этого этот начальник, за счет заключенных этот начальник жил. А папа, кстати, в письмах к маме, они довольно часто переписывались, он ей писал, что, мол, — мама и семья голодали, очень тяжело жили, — а он ей пишет: «15 грамм масла ты сегодня не потрати, к завтрашнему прибавь, вот у тебя вроде как тридцать будет». Но он не понимал, что этих пятнадцати грамм просто нет, ни сегодня, ни вчера, ни завтра, ни позавчера. Потому что не на что купить или негде купить, потому что этого нет, поэтому и голодали. Или рыбы, или крупы. А в лагере какой-то провиант был, всё-таки отпускалось, он за этим делом следил. И вот был некто Харисов, начальник его, который, в общем-то, поскольку отец ему пресек вот этот ручеек, то обещал, что ему, в общем, это запомнится. А через какое-то время обратились к нему с организацией утепления барачков, потому что самое страшное, как отец писал, пурга. Может быть, даже не столько морозы, хотя там тоже, наверное, за полярным кругом морозы сильны, а именно пурга, которая проникает всюду. И вот надо было подготовить этот лагерь к зиме. Всё, что было в его силах... Они запаслись углем. Вместо 100% они запасли 200%. Ну, благо, уголь добывали рядом, поэтому можно было его... И проложили какую-то колею, чтобы завести еще в другой барак, и так далее. То есть он как организатор это сумел сделать, и начальство обещало, что если лагерь будет хорошо подготовлен к зиме, то всем им снимут какую-то часть срока. Ну, понятное дело, что когда ты сидишь и свобода это желанный глоток, каждый день ты этого жаждешь, то понятно, что все работали на совесть. Подготовили хорошо к зиме. Всё. Стали проверять, но... После просмотра, после приемки, значит, одному кому-то год сняли срока, кому-то еще сколько-то, а отцу сняли три месяца. Вот он был арестован 1 июля, а освобождение ему дали с 1 апреля. Ну, с 1 апреля 1953 года. И вот так это совпало, видите? Кто-то спрашивает, что, мол, он по амнистии? Ну, тогда была в 1953 году амнистия какая-то большая, уголовных, не уголовных. Нет, это не по амнистии, он свой срок отсидел, а три месяца ему сняли. Он, конечно, ожидал, что будет больший срок снят, как подарок судьбы, но не случилось. Его вычеркнули из списка. Те, кому подавали списки, насколько я помню, что это вроде бы утверждал чуть ли не главный человек страны. Ну не знаю. Я сейчас этого не могу сказать, не помню. Надо мне полистать было бы.

01:26:34

Там написано везде, что Сталин его спросил: «А какой минимальный срок?»

Да, какой минимальный срок? Три месяца. Вот ему и сняли. И отца освободили и не 1 апреля, и не 2-го, и не 3-го. И он уже начал волноваться. И когда его вызвали к начальству лагеря, это кого-то ставит в тупик, его стали вызывать на откровенный разговор, что, мол, Иван Михайлович, мы понимаем, что вы волнуетесь, но вот обстоятельства таковы, сейчас перемены в стране, видимо, это было еще до смерти Сталина, что...

01:27:21

Он в марте умер, это апрель.

Да, да, да, правильно, правильно. Я думаю, что-то я перепутала. Да, что «такие перемены в стране, мы хотим с вами посоветоваться, что нам ожидать?» Он, как человек, который мыслит и видел далеко вперед, хотя не имея радио, не имея газет, вообще, наверное, трудно ориентироваться, но какая-то информация всё-таки просачивалась, была всё-таки, что-то они имели. И у них был откровенный разговор. Я этого разговора не знаю и передать его не могу, но вот они с ним как с равным советовались, что им ожидать, что будет с лагерями, с политической партией, а ему сказали, что, мол, вы не волнуйтесь, сейчас пурга пройдет, и мы вас отправим. И его, действительно, с конвоем отправили в Воркуту. В Воркуту. Нет, наверное, не в Воркуту, я боюсь сказать сейчас. Куда-то отправили, где посадили на поезд, и он через пересыльные тюрьмы прибыл 22 апреля в Казахстан, в Караганду. И там он пришел в поселок, приехал в поселок Актас, где мы жили, и там мы встретились. А в воспоминаниях, вернее не в воспоминаниях, а, по-моему, это Потемкин в передаче по телевидению, она называлась «Монитор», он ошибочно сказал, что Гронский чуть ли не в таком обычном, в хорошем вагоне

ехал в ссылку. Он через пересыльные тюрьмы ехал, месяц почти. И есть письмо, я покажу это письмо, где отец пишет о том, что перед тем как, в какой-то тюрьме, чтобы ехать, ему надо было сдать накопившиеся деньги, которые он скопил для семьи, когда он выйдет на свободу, чтобы... Две четыреста. По тем временам это были довольно большие деньги, вот скопил. И он сдал в тюремную сберкассу или куда-то там, сдал, и ему должны были их вернуть, уже когда он придет в конечный пункт, но ему в конечном пункте это не вернули. Вот он пишет всё это, поясняет, разъясняет. Я обязательно хочу вам это показать, прочесть, потому что это документ.

01:30:35

Ну, так ему потом вернули всё-таки эти деньги, нет?

Я этого не знаю.

01:30:39

Ну, неважно.

Ну, наверное, может быть, вернули. Это копеечные деньги. Девятьсот рублей стоили часы «Победа». И они где-то даже и есть у меня, эти часики.

01:30:53

Светлана Ивановна, а когда вы родились, вот про вас, и где?

Я родилась в городе Любим в 1943 году. Мама ездила с бабами, как она говорила, возили туда лук в Воркуту, потому что там цинга была, и у нее было свидание с отцом.

01:31:22

Вот таким образом?

И вот таким образом подарена мне жизнь.

01:31:28

То есть первый раз она его видела с 1938 года в 1943 году?

Да, да. В 1942-м. Я родилась в 1943-м, в марте месяце.

01:31:39

А какого марта?

17 марта.

01:31:41

17 марта. То есть она его не видела пять лет, ну примерно, а, всё, 1942-й, четыре года.

Ну да.

01:31:49

А как она узнала, они уже переписывались к тому времени, что он там? Как ей удалось выбить туда поездку?

Ну, вот этого я уже не знаю. Вот этого, не касались мы этого никогда.

01:32:03

Но больше она с ним не встречалась?

Больше не встречалась, да. Больше не встречалась. До 1953 года, когда он уже приехал в Актас, где мы его уже к этому времени ждали.

01:32:20

Вам было 10 лет, и вы увидели, 10 лет и несколько дней, и вы увидели первый раз. Вы помните эту первую встречу?

Да, конечно.

01:32:28

Расскажите: «я помню первую встречу».

А, да. Из Любима, где наша семья без отца очень бедствовала и очень нуждалась, значит, семья переехала в Советск, это Тильзит, потому что там в это время уже был Игорь, который пришел с фронта. Он позвал, сказал: «Мама, здесь будете жить хорошо, здесь всё есть». И в общем, да, действительно, мама... Мы переехали туда и там жили, наверное, уже гораздо лучше, потому что там всё, в принципе, росло, и огород, и там можно было купить и молоко, и масло, и всё прочее, другое что-то. Но поскольку через какое-то время подходил срок, окончание срока Ивана Михайловича, то в 1949 году из Тильзита, из Советска, мама с нами со всеми, со мной и с сестрой Ирой, поехала в тот поселок, где жила уже тетя Лена, мамина младшая сестра, жена Павла Васильева. И она там жила уже, наверное, на вольном поселении. Был у нее маленький свой домик, жила она с мужчиной хорошим, моложе ее гораздо, но жили ладно, хорошо. И ждали, а мы жили в общежитии, в бараке. Ну, кто звал барак, кто общежитие. Вот крайнее окно. Поскольку отцу после лагеря разрешалось приехать либо в Красноярский край куда-то, либо вот сюда в Казахстан. Ну, естественно, две сестры, конечно, они были рады вместе собраться, вместе легче жить, и духовно они очень были близки. Они музицировали когда-то, они рисовали когда-то. Елена читала стихи, знала их и многие стихи Павла знала на память. Есть книжечка, которую она в лагере сделала, называется она «Лучшие». То есть то, что помнили женщины там в лагере, они записывали в эту книжечку, но некоторые стихи, я это уже не один раз говорю, некоторые стихи не подписаны, потому что Павел арестован был и она не знала, что он расстрелян, и имени его нет в этой книжечке, а стихи есть. Потому что папа мог приехать либо в Красноярский край, либо в Казахстан, и в Казахстане встретились. Значит, как это случилось. Я, может быть, уже немножко затертыми словами скажу, но для меня всегда это очень такой щемящий момент, потому что, сколько себя помню, всегда ждали отца из лагеря, всегда ждали письма, и когда по коридору бежала и спрашивала почтальона: «Есть нам письмо?» — «Пишут». В следующий раз опять: «Есть нам письмо?» А я была такая, что могу и не отстать. «Пишут вам». И меня это огорчало, думаю: что ж, пишут и пишут. А в это время отцу разрешалось только два письма в год. Поэтому, конечно, сейчас вот я буквально года полтора занимаюсь письмами в нашей семье. У меня большая коробка писем, и я по ним прослеживаю судьбу семьи, и есть какая-то задумка. И я знала, что папа должен прийти, но когда он придет, не знала. Ни мама, ни я. Потому что освобожден был человек, а ему давали новый срок. И мама очень боялась этого, что такое может случиться. Однажды в дверь кто-то постучал, я сбрасываю крючок, и на пороге стоит человек в телогрейке, с вещмешком за спиной, седой, с седыми усами, и улыбается. «Светлана, я твой папа». Вошел, посадил на колени, по голове погладил. У него такая хорошая, красивая рука, твердая, крепкая, по голове погладил, а я прикинула, потому что очень мы все, подростки, дети войны, мы очень ждали своих отцов. Но у одних его не было, потому что не было. У других сидели в лагерях, у кого-то другого погиб на фронте. Поэтому для нас любой папа был желанным. Ну конечно, расспросил, где, что, как, где мама, где кто. Он же знал, что мы отдельно живем. Я говорю: «Сейчас мы пойдем к тете Лене». Ну а это по прямой улице пройти, наверное, метров, я так думаю, 500 где-то, ну полкилометра. В общем, это недалеко. И вот их встречи я не запомнила. Для меня всё — счастье, солнце, солнышко, вот и всё. Ждали мы этого, конечно, долго и были [счастливы], я была счастлива. Ну а тетя Лена сказала: «Сейчас надо подготовить маму к этому, чтобы она встретила нормально». Ну, встретились. Потом сидели у тети Лены, потому что у нее как штаб был, к ней стекались. Она жила посреди поселка, недалеко от комендатуры. Ну, как бы свой центр, потому что тут и магазин был хлебный, и вот эта комендатура, и столовая, куда после зарплаты заходили. Да, да, и я тоже однажды пришла туда и стала там ждать. И когда не дождалась, зашла домой, пришла домой и на расспросы родителей сказала, что я ждала около столовой. Папа очень добродушно рассмеялся и сказал, что никогда этого не будет. Вот так.

01:41:01

А вот интересно, вы его ждали, вы говорили, а каким вы его себе представляли?

Каким? Ну, не знаю, у нас всегда была, висела его фотография. Вот эта фотография. Вот эта. Вот эта. Вот. В доме висела такая фотография. Ну, он такой и был. Только седой. Седой. И сколько ему уже было? 60 почти. Ну как, 1953-й, а он, по-настоящему он 1894 года, но потом ему прибавили два года. Вернее, ему прибавили два года, он вообще по-настоящему 1896 года рождения. Ну вот так вот сложилось, что... Эта, кстати, путанка во многих семьях, по-моему, есть.

01:42:05

Светлана Ивановна, вот немножечко в сторону. У вас же было еще два брата и сестра.

Да.

01:42:10

Вот как сложилась их жизнь? Как они жили, когда вы жили? Как они отца встретили? Как дальнейшая жизнь сложилась? Вот об этом можно?

Ну да, значит, когда мы жили в Любиме, все были вместе. Игорь, Вадим, Ира, мама. Ну, понятно. В 1942-м Игоря взяли на фронт. Не сразу, но через какое-то время он ушел на фронт и вот освободился, пришел из армии в сорок... В начале, наверное, 1947 года. И уехал в Советск. В Советске он уже жил с семьей, женатый. А потом уехал в Петропавловск, чтобы поближе быть. Там в Тильзите, в Советске, там действительно всё растет, всё хорошо, но там влажный воздух, и многим он не подходит. Так же он не подходил маме, и не подошел он сыну Игорю, Валерию. И решили в сухой климат поехать, в Казахстан. А в Казахстане построили дом свой из того, что было, конечно. Это нельзя сравнить даже ни с какими домами. И поскольку в Тильзите был такой климат не очень хороший для ребенка и для сердечников, то Игорь уехал с семьей в Казахстан, в Петропавловск, надеясь там обжиться и быть недалеко от мамы и отца, хотя отец был еще в лагере. Сохранились письма, есть они в моем архиве, я недавно их видела, когда Игорь пишет отцу в лагерь и обсуждает с ним какие-то вопросы, как, мол, строиться, вернее что-то делать по дому, то ли ремонтировать, то ли переезжать сюда, оставлять всё это. Потому что, оказалось, работа не очень оплачивается, продуктов нет и так далее. Вплоть до того, что сахара не было в городе, и зарплаты такие маленькие, что даже он себе многого необходимого не мог купить. Игорь, когда отец приехал из лагеря и мы все встретились дома у тети Лены, есть фотографии, где несколько человек, мы стоим на завалинке, счастливые такие, сидим около деревца. Там деревьев вообще не было, ни одного деревца, а тут тополек небольшой, и около этого тополя сидим. Ну вот, Игорь после Казахстана уехал опять, куда же он уехал? Так, он уехал опять, по-моему, в Тильзит, да, и жил... Ну, в Советск. Тильзит, Советск, Калининградская область. И жил там до вызова отца сюда, в Москву, в эту квартиру. Вадим. Вадим... Конечно, у Вадима совсем нехорошо сложилась жизнь, он, рано лишившись отца, пошел поступать в ремесленное училище в Ярославле. Видимо, он туда не поступил, скитался и приходил иной раз в Любим, домой, подкормиться, подкормиться и тут было особо нечем. И вот таким вот образом он кочевал где-то, временами даже трудно сказать, где кочевал, но всё-таки связь с семьей он поддерживал, но в 1947 году он поехал, в 1946-м, наверное, он поехал к отцу на Воркуту, думая, что там он задержится и как-то сумеет найти себя. Но, видимо, начальство не разрешило ему долго оставаться, там отец для него сумел получить одежду, казенную одежду, телогрейку, сапоги, еще что-то, потому что не на что было купить, а там всё-таки холодный климат. И там он сумел в очередной раз поменять себе имя. Для родителей он был всегда Вадим, и мы так и не могли отвыкнуть, что он Володя, он себе поменял на Володю. Видимо, вот это имя Вадим у него, ну, как-то с ним не срасталось, не сживалось. А поскольку у папы первая жена была, первая жена, нет, самая первая, скажу так, была Мария и у них был сын Вадим, который погиб в роддоме, погиб мальчиком, как отец считает, что заморозили, ну, специально заморозили там младенцев, что это была провокация. Это Антонов-Овсеев пишет вообще-то в своих мемуарах. И вот Вадима называли Вадимом. Вторая жена... Отец... Да, вот эта первая жена, Мария, она погибла потом при каких-то обстоятельствах, ну, революционное событие, то ли зарублена было, то ли что-то, убили, ну, вот как-то так. Отец женился, тоже, наверное, без регистрации, без всего. У него была такая Валентина Шишмарева. А мама уже вот в 1926 году, до конца уже жизни, до последних [лет]. И даже незадолго до своей смерти папа писал, что, мол, Лида, мы с тобой настолько срослись, мы настолько нужны друг другу, любим друг друга, ценим и так далее, что, мол, мы как единое целое с тобой. Про Вадима дальше. Простите, перескакиваю немножко. Значит, что с Вадимом. Вадим после этого устроился... Да, он встретился где-то с Игорем в городе Кричеве, и Игорь его не признал, не узнал. Так вот сестра рассказывает. И что когда Игорь сказал, что, мол, я тебя привезу к матери, если она признает тебя, то тогда, значит, ты действительно мой брат. Ну, я думаю, что Игорь, может быть, немножко, не знаю, кривил душой, не кривил, с другой стороны, очень трудно... Он вряд ли мог кривить душой. Короче говоря, он привез, мама, естественно, сразу же: «Ой, Вадим, Вадик». И стал он работать в Советске на целлюлозно-бумажном комбинате электриком. У него была светлая голова, никакого образования, кроме шести классов, и если бы отца не взяли, не арестовали, он бы, может быть, большой ученый был, потому что он оригинально мыслит, он многое соображал, то, что обычному человеку трудно поддается. Электроника, электрика, астрономия, это всё его увлекало. Наука и техника. Он самообразованием в этом направлении занимался очень много. Ему это интересно было. И даже один из первых телевизоров у нас был сделан им и стоял в кухне на таких железных ножках, на такой треноге, кинескоп, и тут все кишки были у него видны, у этого телевизора. Вадим женился. У него была дочь Люда. И работал там, в Советске. А мы в это время с мамой, с Ирой, жили в Актасе. Отец пришел в Актас в апреле 1953 года. И в разговорах с людьми интеллигентными, скажем, интеллигентная среда собиралась у тети Лены дома, он не хвастал. Он никогда не выставлял напоказ, что он знал этого, этого, этого. Но это в разговоре где-то, конечно, оно было. И он рассказывал, его спрашивали, он рассказывал. Кто-то верил, кто-то не верил. И когда отец сказал, что «я тут долго не задержусь», кто-то думал, что он просто

рисует какие-то такие нереальные картинки, и подсмеивался в душе. Но зимой 1954 года, по 1954 год, отец написал несколько писем Микояну, Ворошилову, нет, ну может, Ворошилову, Молотову, с которым... И Микояна, и Молотова он хорошо знал. К художникам написал несколько писем. И вместе с Ириной, с сестрой, отправил их в Москву, чтобы она отнесла туда, туда, туда. Потому что если их отправить по почте, то адресат может не дожидаться. Ира уехала. Вот тут подробностей я не знаю, но сейчас готовится к публикации, за свои денежки, так же как и эти две книжки, это тоже за свои денежки, это сын мне давал деньги на это, готовится книга моей сестры, и там вот этот момент как раз немножечко описан, как она пришла к... Какая у нас, Спасская башня? Вот левая от мавзолея?

01:54:48

Левая от мавзолея — Спасская башня.

Да. Что там висит ящик, тогда это называли кружка, в нее можно опустить письмо, и оно попадет туда. Ну либо на Новую площадь, но она знала, что ей надо прийти и положить письмо туда. Она направляется туда, к ней идет офицер, мало ли зачем дивчина идет, а Ире было уже 20 лет. Ну такая, видная из себя. Или почти 20 лет, 19 с половиной. Потом она пошла в приемную, видимо, Молотова, туда, где раньше Калинин принимал, и отдала. Хотела встречи с Молотовым, а она такая, она могла бы добиться, это я не могла бы, а она... Ну в общем, ей сказали: «Оставьте письмо». А она говорит: «Нет, вы его положите под сукно, а мне надо еще на словах что-то передать». И вот она это письмо всё-таки, видимо, оставила и ушла, а через несколько дней... Тогда ведь почта очень четко работала: два-три дня — и ты получаешь ответ, что ваше письмо получено и передано по назначению. Есть у нас открытки эти, которые сигналият, что письмо получено. Ее вызвали к телефону, к соседям, в этой квартире не было телефона, и ей сказали, было раннее утро, ей сказали, что, мол, дело вашего отца пересматривается. И она, от избытка чувств она потеряла сознание. В общем, потом ее когда увели, стали расспрашивать, что, как, чего, потому что это было только-только начало, да? Это было начало... Так, подождите, 1953-й закончился, 1954-й, да, и в апреле, ну вот 18 февраля 1954 года его дело рассматривалось на коллегии или где-то там и он получил реабилитацию. Он знает, что ему, ну вот его письма получены, всё, и он сидит ждет в Казахстане. А чего ждет? Уже год почти прошел. И вдруг ему звонят из самой Караганды, из отдела МВД, и вызывают туда. Ну, он, не знаю, испугался или нет в душе, наверное, в общем, когда ты уже отсидел сколько-то там, да, то всякое разное приходит в голову. Он поехал вместе с мамой туда, мама осталась где-то, видимо, в скверике, на улице, потому что он не знал, то ли его обрадуют, то ли арестуют, и потом он получил вот такое вот, что, мол, вас запрашивают в Москву, когда вы можете ехать? А он вообще знать не знал, что его запрашивают в Москву, вызывают. А они медлили, у него паспорта не было, еще там чего-то, у него справка вместо паспорта, как его отправить? Тоже, наверное, свои перегибы, страхи были, что вот у них такой человек оказался, хотя там ссыльные, было достаточно сильных.

01:58:41

Итак, вашу семью вызвали в Москву.

Поскольку папу спросили, когда он может поехать в Москву для реабилитации, он спросил: «Как я могу поехать, если у меня только справка?» В общем, видимо, ему сделали этот паспорт, и он долго его не хотел менять. Когда уже всем в Советском Союзе поменяли паспорта, он не хотел менять, потому что у него там был штампик, что выдано Карагандинским каким-то ОВД, или УВД, или КГБ, или [нрзб], и так далее. И вот папа уезжает в Москву в начале, наверное, в конце апреля — начале мая 1954 года, и переписка продолжается между родителями. Ну, кто-то маму подогревает, что, мол, ну, чего ты, ждешь, что он тебя туда возьмет? Зачем? Вроде как. И мама, видимо, в какой-то момент пишет ему это, а он говорит: «Смешно это даже, то, о чем ты пишешь, потому что кумушек этих просто не надо слушать. Как только я получу там то-то и то-то, то сразу возьму вас сюда. Как только Светлана закончит школу... — я училась в четвертом классе, сдавала экзамены, два экзамена, по-моему, были, но уже не помню сейчас — то соберешься и выедешь». Так мама и сделала. А Ира уже была где-то в Советске. Ну, видимо, как отпуск, я не знаю, что-то у нее было, потому что она в это время не училась и не работала, в какой-то небольшой период. И мы приехали в Москву, встретились. Да, по дороге, конечно, еще был с нами один товарищ из нашего же поселка Актас, Гладышев Иван Васильевич. Зачем он ехал в Москву, я не знаю, но, в общем, из Караганды ехать четверо суток, так что долго, чем мы питались, я не знаю, но на одной из станций, перед одной из станций он сказал, что на этой станции коммунизм. И я в это поверила на все сто процентов. Но я была, понимаете, выросла в провинции, ничего не знала, ничего не видела, книги, книг почти никаких не было, телевизоров, вот радио было, радио было, и даже жизнь какая-то культурная была в поселке. Вот надо еще тоже отдельно было бы про маму рассказать, что как раз в этот период это... Сейчас. Что за станция, я не знаю, ну, видимо, какая-то большая узловая станция, потому что когда мы вышли из вагона, были столы накрытые с едой, мы сели, поели и ушли. Вероятно, я не видела, как они платили за это, поэтому вот так вот, ребенка очень легко провести. Вот так

вот. А про маму я хотела сказать, что... Это когда уже папа вернулся, наверное, тут некое было оживление какое-то, потому что он вообще вносил живую струю, он очень доброжелательный, очень отзывчивый человек. Но прожив в таких суровых условиях долгие годы, как он говорил, что он потом отсыпался, можно подумать, что ему там спать не давали, ну, наверное, может быть, и не давали, и вот он... Это как своего рода реакция была на лагерь. Но тем не менее с людьми встречались, стихи читали, и даже был там вечер, вернее, это трудно назвать вечером, наверное, это был тот день, когда как праздник: вот он пришел, вот он вернулся. На стол дали селедочницу, и тетя Лена ее разделала, я не видела, как это можно так: порезано на кусочки, изо рта лук зеленый, потому что никогда этого я не видела. Чистая белая скатерть, всё это красиво, всё хорошо, еще что-то такое было, и было еще сделано мороженое. Это мама с тетей Леной делали мороженое, они помнили, они знали, как это можно сделать. Целое ведро или полведра, не знаю, какое ведро, может, трехлитровое ведро было, но когда его немножко поели, то потом обнаружили, когда пошли за добавкой, что в этом ведре голова собаки Кучума и он всё это мороженое вылизал. В общем, добавки не получилось. А мама с тетей Леной и дядей Левой, они сделали куски из спектакля «Без вины виноватые» Островского и «Медведь» по Чехову. Я почему это помню, потому что, значит, «Без вины виноватые», там дядя Лева рыдал, — я не помню, кто же играл, тетя Лена, наверное, — рыдал в ногах у матери, в коленях, а в «Медведе» он кричал, и я запомнила это слово, которое мне было очень странным, как он: «Ах, как я зол, как я зол!» Обычный человек бы сказал «как я злюсь» или там, а тут «зол». Вот у меня это слово запомнилось, что оно какое-то непривычное. А мама здесь делала декорацию. Там, где ничего нет, очень трудно что-то сделать. И у мамы была только одна, две краски: желтая и синяя. Больше никаких других красок не было, какая-то бумага была, и мама на этой бумаге нарисовала беседку и осенний сад, и всё было чудесно. И вот такая была пьеса поставлена.

02:06:06

Это они так папу встретили?

Я думаю, что нет. Это просто... Когда он пришел, мне кажется, просто это дало стимул какой-то людям, понимаете? Вот что-то появилось новое. Тот год вообще был бурный, бурная, как иной раз показывают в фильмах, что там несутся бурные потоки. Да, я помню. Лед вот такой, а прорезает лед этот бурный ручей. Вот она, весна пришла, вот оно обновление. Это совпало. Вот природа совпала.

02:06:49

А кстати, смерть Сталина вы помните?

Я помню только в школе... Смерть Сталина, как она была? Знаете, наверное, это не было для меня таким сильным событием. Оно сильное, но сильным событием было ожидание отца из лагеря, я его ждала, ждала. Мы же, вот тут мы ждали всё время. Пришло известие о смерти Сталина. Мы были в школе. Тут 3-й класс, один ряд 3-го класса, тут 2-й класс сидит, всё в одной комнате, и одна учительница, Вера Тихоновна Большакова. И она подняла нас и сказала, что «дети, умер Сталин». Ну, что она еще при этом сказала, я не знаю, но потом некоторое время у нас была с ней переписка, кстати, довольно долгое время, и я как-то, поскольку была молодая, не такая вдумчивая, наверное, и мало знающая, по своей деликатности не задала вопроса, почему она там. А оказывается, она, как оказалось потом в одном из писем, потом позже, она написала мне, что жила в Москве, была замужем. Я не знаю, может быть, она не москвичка была, но была замужем в Москве, но мужа арестовали, и ее выслали. Сколько, где она сидела, не знаю. В общем, вот так вот это случилось. Так что моя учительница, Вера Тихоновна, тоже пострадала.

02:08:50

А дома, извините, как-то мама отреагировала или тетя Лена на смерть Сталина?

Этого я не помню совершенно, совершенно не помню. Нет, не буду даже и говорить. Я думаю, что они нормально отреагировали. А вот в 1990-е годы я в Мемориале* [*здесь и далее — «Международный Мемориал» внесен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов и ликвидирован]. встретила... Распределяли какие-то вещи, которые пришли из-за рубежа, и нас немножко одевали. Ну, я действительно подобрала там три вещи себе, взяла, они подошли. Спасибо им было. И там распоряжался этими вещами мужчина, невысокого роста такой, очень компактный, худенький, как мне показалось. И мы что-то разговорились про Караганду, Актас, и оказалось, что он из Актаса, что он в зоне там был. И мы, говорит, узнали о смерти Сталина по приспущенному флагу. Вы представляете, когда он мне это рассказывал, я просто думаю: вот как бывает мир тесен. Представляете? Мы через годы, то есть он в 1953-м и я в 1953 году были там — и здесь вот, в Мемориале* встретились в 1990-е годы.

02:10:17

Да, как интересно. Итак, ваш папа в Москве, как он устраивается? Вот это расскажите.

Значит, в Москве папа, поскольку гостиниц не было, денег на гостиницы не было и жила на Малых Кочках его... сестра его жены, он поселился у нее. Это комнатка, наверное, метров 12, кровать, диванчик, тут креслице, тут полочка с книгами, радиоприемник этот, тарелка, стол посередине квадратный, стулья с прямыми спинками, потому что надо было сидеть всегда прямо, а не сгорбившись и никак. И он жил там, и приехали мы с мамой, и тоже поселились сюда же. Я помню, что тетя Леля спала на полу, а она такая полненькая, кругленькая, я думаю, что ей было совсем не очень удобно. Маме и папе уступила свою кровать эту, а я на горбатом диванчике, маленький диванчик такой был. Мы жили, я не помню, чтобы когда-то возникали какие-то трудности, ничего такого не помню. Помню только, что меня поразило — чашки с блюдечками, прямые, в сеточку такую, и там простокваша, чего я никогда не имела там, в Казахстане. Рыба треска копченая, порезанная на куски, завтрак. Это очень важно. Сыра там сколько-то было, другого ничего не помню. Сахарницу помню, а сахарница это была, вот сейчас она, наверное, хранится у племянницы моей, я так надеюсь, что хранится, зеленая, начала века, и по ней красные прожилки такие, ар-нуво. Вот такая сахарница была. Жили мы какое-то время там, я устроилась, сама устроилась в пионерский лагерь в городской, потому что мне скучно, я там во дворе сижу, познакомилась со старушкой какой-то, она слепая была, я с ней долгие разговоры вела, она со мной, я ее до дома провожала, она тут в комнате за шкафом жила. А я устроилась в городской пионерский лагерь и была благодарна, что такие лагеря есть. А у папы дела не очень двигались, ему надо было бы квартиру получить, а как квартиру получишь? Бумаг нет, денег нет, этого нет. И вот этот год, полгода мытарства очень тяжелые, потому что соседи стали роптать. Это трехкомнатная квартира, в двух других комнатах по семье жило. Они стали роптать, а я тем более была необузданным ребенком, я в душе, в жизни душа не видела, и когда меня поставили в душ, то я там прыгала, скакала, радовалась и так далее. Туалет в доме, а не на улице, понимаете? Это тоже как важно. Балкон из коридора, ведет коридор прямо на балкон. Я такого не видела, у нас такого не было. Ну и так далее. В общем, пришлось нам искать, отцу пришлось искать что-то другое. А меня за это время там кошка покусала, ноги очень сильно покусала. Покрасили пол в коридоре, крашенный дощатый пол, и когда я выходила на прогулку, кошку выпускали, а кошка, видно, злая была. Ну, не знаю, во всяком случае у меня шрамы на ногах долго оставались. Ну, короче говоря, папа с кем-то из своих знакомых разговаривал, и ему дали возможность поселить нас, нашу семью, не всю, но потом приехал Игорь с семьей, а у него уже было двое, народилось как раз в 1954 году еще одно дитя, и нам далее уступили до зимы, до холодов... Был такой скульптор Тавасиев Сослан Дафаевич. Он Салавата Юлаева лепил, и его Салават стоит в Уфе, на большой, на большой горе. Да, хороший памятник, красивый. Он дал нам это жильё, дача, мы там жили, я даже ходила оттуда в школу, в Хотьково. По железной дороге я шла, ну, сколько, километра два, наверное. Но это продолжалось октябрь, нет, сентябрь, октябрь. В конце октября папе дали квартиру. Да, летом его реабилитировали, он получил документ о реабилитации, причем когда он вышел с комиссии по партийному контролю и ему сказали, посетители говорят: «А что так быстро?» «Я, — говорит, — отсидел 15 лет за это». Ну, что-то в этом духе. Денег нет, работы нет, справок нет. Значит, он ходил где-то, узнавал, где можно, что-то в «Известиях» брал, Институт красной профессуры, а его уже давно нет. Поди найди, да? Пойди туда, не знаю куда. Но тем не менее, в общем, ему в какое-то время, видимо, предложили старую квартиру, из которой он был когда-то арестован. Ну, не знаю, не скажу, 18-ю или 20-ю квартиру, не скажу точно, в которой жили Лепешинские. Вообще, можно установить, но это неважно, не факт, потому что у меня есть книга, где Татьяна Ивановна Шмидт, она же дочь Товстухи, она прослеживала по Дому правительства: вот в этой квартире жили такие-то, арестован; живет этот, арестован, пришел следующий. И так в одной квартире могло несколько побывать, ну, как перевалочный пункт, что ли. Вот когда-то отец поменялся квартирами с Радоком, Радок вниз поехал, а отец вверх, по-моему, так как-то это было. Ну вот можно проследить, у Татьяны Ивановны это есть, поквартирные списки. Отец отказался от квартиры в Доме правительства, он посчитал неэтичным, неправильным: что ж, люди там живут, как туда ехать? Ну, в общем, некоторое время еще ждали, а потом он сказал, что «там дают квартиру в новом районе, поехали посмотрим». Кто еще был? Я запомнила папу и себя. Маму не помню, но, наверное, и мама поехала, я так думаю. И мы ехали от, тогда это называлась Калужская площадь, на трамвае ехали, ехали, ехали, мимо... Никакого Черемушкинского рынка, конечно, не было, а тут стояли свинарники. И я это хорошо помню. Проехали мы, и тут дорог тоже, в общем, не было, стоял только университет, дом преподавателей и два красных дома. Подробностей особо я не помню, конечно, мы поднялись пешком на седьмой этаж, и папа ходил, и всё гулко раздавалось, и всё очень нравилось, и стенные шкафы нравились, и комнаты, и, наверное, он сразу понял, что этого он сына сюда поселит с семьей, этого сына сюда с семьей, а вот тут мы — и так далее. И когда действительно... Ну, он дал согласие, больше никакого ордера не было, один раз только мы приехали, посмотрели, и, по-моему, это 30 октября случилось. И въехали сюда буквально, наверное, с одним чемоданом, потому что как мы по этим самым... И тюки какие-то с бельем, наверное, или одеялом, потому что чем-то мы же укрывались, в общем, хотя, наверное, были

как цыгане, без всего. Не помню этого, но помню, что мебели у нас никакой не было, я садилась делать уроки к подоконнику. Брала из ванны, у нас там был, он положен был, ящик для белья, я его выносила и садилась делала уроки. Вот это помню. И, значит, Игорь, поскольку он умел всё это уже делать, он делал топчаны, столы, скамеек не помню, а какие-то табуретки, потому что купить, во-первых, не на что было, во-вторых, тогда мебели не так много было, это потом она более-менее появилась. Потом папа стал работать, к нам приезжали без конца заключенные, не заключенные, бывшие осужденные, знакомые, незнакомые, из Актаса, из Киева. Вот, кстати, тоже приехала из Киева вдова такого Стецкого, Алексея Ивановича Стецкого, слышали вы, нет? Он был какое-то время над Иваном Михайловичем, завкультпропом ЦК, вот что-то такое. Долго я не могла найти его фотографию в интернете, но потом нашла. Он тоже был арестован, ну, как все порядочные люди, его расстреляли, а жена жила в Киеве, ну и она в какой-то момент приехала к нам и очень удивлялась, что там не такие условия были созданы. Ну, одна кровать с внучками, а мама спала в это время на полу в кухне. Потому что у нас всё время были люди, всё время.

02:22:24

И у вас они оставались ночевать? И вот приезжали? И вот у вас такая жизнь?

Ночевали, да. Ночевали, кормились. И временами в 1970-е годы, когда очень туго было с питанием, я помню, что должны были прийти к папе ярославские земляки, у них всегда были обычно долгие разговоры о том, о сем, они приносили обычно бутылку коньяка, ну, выпивали. А угощать нам их было нечем. Мы просто с мамой, знаете, предательски ушли из дома, чтобы не давать ничего на стол, потому что хлеб, сухари — ну это просто... А другого как-то не пришлось, не получилось. Вот такие...

02:23:14

Вы здесь живёте с пятьдесят?..

Четвертого года.

02:23:19

Фантастика.

Да.

02:23:20

А дома в 1953-м построили?

Вот заселился первым тот дом, соседний, потом этот заселили. Когда мы приехали, мы жили здесь и я училась в школе, то остальные корпуса еще не сдавались. И мы даже какое-то время работали на стройке. Я была в седьмом классе. Ну, убрали, выносили мусор, чистили — для того чтобы заработать себе на поездку в Ленинград. И я считаю, это хорошо и правильно. Мы заработали, жили там в школе и спали на походных, знаете, как называются вот эти вот, вот такие кровати, как же... Вот походные кровати, холщовые. Вот мы на таких спали.

02:24:19

Да вы, собственно, старожил...

А они, наверное, я думаю, с 1914 года где-то были, это не с этой войны 1942 года. Ну, где-то стояли там и стояли, есть не просят.

02:24:34

Вам не привыкать в таких условиях жить и спать. Светлана Ивановна, я прочитал о том, что когда начались реабилитации писателей, ваш папа был один из первых, кто этим активно начал заниматься, и благодаря ему Павел Васильев и другие, другие... Вот расскажите об этом, об этой его стороне.

Ну да, вот... Если... Когда обосновались здесь, в этой квартире, начали, я уже сказала, что приезжать и приходиться, и в дверь, и по почте приходили письма, просили помощи, созванивались с кем-то, уже телефон потом поставили. И телефон какое-то время, то есть не какое-то, а точно прослушивался. Да, да-да-да, да, без всякого сомнения. Люди... Он отзывался на любую просьбу. И он написал этих справок для восстановления больше двадцати. Вот по ним [реабилитированы]... Правда, тут где-то я прочитала, что, мол, Клычков реабилитирован не по справке Гронского, но Гронский писал справку на Клычкова. И эти справки, они в принципе есть. Они... Вот пока что, пока что я держу их дома, хотя, наверное, это надо сдавать

в архив. Кому он писал? Ну, вот, значит, Павел Васильев, Клычков, Пильняк, Петрушанская, лагерные... Сейчас не могу вспомнить... Я должна перелистать, может быть, эти справки, эти бумаги. Саферьянц тоже, я фамилию уже называла эту, Саферьянц. Приезжал и просил. Вот больше 20 человек, сейчас не могу, надо освежить немножко.

02:27:03

Ну да, и там было много писателей, а это была комиссия какая-то при Союзе писателей? Я просто не знаю, я вот прочитал в «Википедии» это, кстати, что он принимал участие в этой комиссии. Это при Союзе писателей или нет?

Знаете, не... Так, эта комиссия, мне кажется, была комиссия партийного контроля или что-то, нет, это всё-таки не делалось писателями. Понимаете? Это делалось органами, когда-то карательными, а тут надо было, наверное, в общем, возвращать всё, так сказать, людей возвращать и возвращать их доброе имя назад. И поэтому... Сейчас, мне кажется, я припоминаю, что к отцу обращался следователь, что, мол, Иван Михайлович, напишите вот на такого-то, на такого-то. То есть это из этих органов исходило. Всё-таки они хотели... Не все там были, скажем, да.

02:28:12

Ну да. Светлана Ивановна, а вот интересно, после того, как он вернулся, он общался со своими бывшими знакомыми? Я имею в виду Молотова, Микояна, кого-то еще.

Ну вы, наверное, видели в воспоминаниях, что однажды он, да, он с Молотовым встретился на переходе на Садовом кольце. Нет, он, сейчас скажу. Значит, со своими прежними друзьями и знакомыми из высшего эшелона, наверное, он ни с кем не встречался, кроме как с Молотовым случайно на улице. Да, говорили, что Молотов ходит по улицам без охраны, без всего этого. И однажды отец, переходя улицу на Садовом кольце, где-то шел рядом, и они разговаривали. Как долго они разговаривали? Ну, в общем, может быть, это не самая приятная была встреча для Молотова, потому что он был свободен, а Гронский отсидел какое-то время, но у Молотова тоже своя печальная история была. С Микояном он, может быть, во время награждения «Известий» встретился, но специальных таких вот [встреч], нет, нигде не было. Он встретился на квартире у Орджоникидзе, у жены Орджоникидзе, Зинаиды Гавриловны, поскольку он ей помогал выпустить книгу, видимо, редактировал книгу о ее муже, о Серго, у нас даже есть какой-то большого формата отчет его где-то на каком-то совещании. Такая интересная, тоже раритетная вещь, хотя куда вроде ее сейчас и не приложишь, ну, к его биографии или, положим, в том же музее, в том же, положим, музее не только ГУЛАГа, новейшей истории или... Должны, конечно, что-то сделать, потому что ничто не пропадает, оно всё равно остается. И вот у Зинаиды Гавриловны он увиделся с Жуковым Георгием Константиновичем, когда на него в очередной раз была какая-то опала. Они очень долго и много разговаривали, и отец был удовлетворен этим разговором, что интересный, умный человек. Ну, это же тоже важный собеседник. Если не ошибаюсь, если... Нет, ошибаюсь, хотела сказать, что там был Власов, нет, там Власова, наверное, не было. С художниками он, конечно, виделся со многими, с которыми раньше был, и, так сказать, со своей школой, кто... Борьба за реализм в искусстве, знаете, оно всегда, во все годы. Одни за эту сторону, другие за эту сторону, какая перетянет. Тут спорить даже, наверное, и не нужно. Ну, отец вот был за реализм в искусстве, что в литературе, что в живописи, да, потому что он не понимал этого, поэтому даже такой вроде и понятный, как, положим, Фальк, он у него вызывал, может быть, негатив, потому что он привык к Репину, положим, или Рубенсу, он «три Р». А его школа, которая отстаивала реализм в живописи, эта школа Гронского, как называли: Сысоев Петр, Рожков Петр, наверное Власов и Санников. Власов другой, я не помню сейчас инициалов его. И Санников. Есть фотография, хорошая, большая фотография.

02:32:49

Светлана Ивановна, в продолжение того, о чем вы сейчас говорите, вы говорили, что он вам книги подкладывал, он вам прививал любовь к литературе, он вам давал книги, которые он любил сам. Какие книги он сам любил? Художественную литературу, интересно.

Значит, какие книги папа подсовывал? Ну, например, Степняка-Кравчинского. Вы такого, может, и не слышали даже, да? Есть такой, революционный. Потом, конечно, Войнич, конечно, поскольку он работал в Институте мировой литературы, и там была такая Евгения Александровна Таратута, она работала всю жизнь, ну, может быть, не всю жизнь, но очень долгое время собирала материалы о Войнич. Этель Лилиан Войнич. Так, что еще папа подсовывал? Ну, такого вот рода литературу, Писемского, Слепцова. Я их, я их посмотрела, но они как-то, ну, нет, нет. Он приучал читать газету. Он не был таким очень настойчивым, он просто давал какую-то, ну, как бы сказали теперь, установку, что ли. Как читать газету?

Сначала... Утро у него начиналось с газеты. Вот он приходил в кухню, открывал газету, вынимал из ящика газету, или мы ему приносили, он открывал газету и прочитывал ее. Ага, заголовки. Потом то, что ему интересно, и то, что важно, и то, что событие сегодняшнего дня, он же политик, хотя и экономический факультет заканчивал, он прочитывал материал, тот, который его заинтересовал. А потом уже переходил: ага, так, у нас футбольный матч, так, а, бокс, ага, тоже туда же. Это он любил, спорт любил. И вот благодаря спорту, папа, я думаю, перенес и царскую тюрьму, и советскую тюрьму, ну, тяжело, но, в общем, перенес, потому что, хотя он и курил до лагеря, до ареста, он курил, но, когда он занимался спортом, естественно, что он не курил. Он занимался у дяди Вани, известного дяди Вани, там, в Петербурге, который тренировал тяжелоатлетов, боксеров и так далее. И отец нам всегда подчеркивал, он не был никогда занудой, никогда, в отличие от некоторых, может быть. Скаалка, что она тренирует сердце, ноги, волю, и холодная вода, обтирание. Он и маме всегда вкладывал, что... Из лагеря пишет, что, мол, Лида, то-то, то-то, делай зарядку, обтирайся. Ну когда маме делать зарядку, когда надо то-то, то-то и то-то.

02:36:34

Светлана Ивановна, в 1956 году Хрущев [развенчал] культ личности Сталина, с низвержением этих самых идеалов и так далее. Как папа воспринял вообще доклад Хрущева на XX съезде? Можете об этом сказать?

Нет, наверное, не смогу. Наверное, не смогу. А, да, сейчас. Значит... А, про книги можно я закончу, а потом...

02:37:01

Извините, я думал, вы закончили.

Нет, нет, сейчас, такой штрих, что он подсовывал мне книги, конечно, классическую литературу, то, что всегда надо знать, прочесть, это он давал. И поскольку выписывал много книг, он подписывался, как мама говорила, «ты без штанов, а всё книжечки покупаешь». Выписывал, тогда же были подписки, едешь, я ездила, да, я ездила с этими талонами, открытками, на Пушкинскую улицу, тогда это Пушкинская была, в конец туда, и там мне вырезали, выдавали книжки по искусству, по литературе, и всё это я... Ну, я не всё читала, но у меня глаза работали, что меня интересовывало, я вот, девочка, я многое впитала. Не всё, наверное, вошло, потому что у меня, в общем, хорошего образования, к сожалению, нет, и я это и понимаю, и чувствую. Но такое дилетантское какое-то, поверхностное, оно есть. Теперь вот насчет...

02:38:28

Разоблачения культа личности Сталина.

...разоблачения культа личности. Это было начало 1956 года, январь месяц. Я не знаю, как он, радовался, не радовался. Наверное, все были, кто не был подготовлен, он был ошеломлен этим поворотом. Его, я думаю, не удивило, потому что он следил и понимал, что кроется между строк, и меня учил, мне говорил, что надо уметь читать это между строк. Но я так и не научилась, вот я такая. А тетя Лена, которая в это время жила в Казахстане, продолжала жить и работала там, хотя, может быть, она уже в это время и не работала, а просто была женой, ссыльной женой. Он написал, что, мол, дал телеграмму: «Елена, бросай всё, выезжай в Москву. Пора реабилитировать Павла». Вот такое, плюс-минус вот какое-то слово, это было дано. И писал вместе с ней, то есть есть документально, что он писал, она потом переписывала, писала, они вместе писали письма на ее реабилитацию и на реабилитацию Павла, конечно. Но когда пришла реабилитация Павла, надо было еще его восстановить в Союзе писателей, потому что это не само собой разумеется, а его в 1935 году, в январе, что ли, месяце, его исключили из союза.

02:40:26

Светлана Ивановна, как ваш папа относился к Сталину? И обсуждались ли дома вот эти вот перипетии государственные?

Как отец относился к Сталину. Ну, однозначно ответить очень трудно, потому что, с одной стороны, он его любил, он был привязан, он работал с ним. С другой стороны, он знал ему истинную цену, знал его хитрость, ловкость, умение... Нет, не знаю, умение или что-то. Значит, он о нем имел представление как о человеке сложном, с великолепной памятью, но он часто его называл «актер». То есть что он играл какую-то роль. Вот не знаю, такое его было мнение. Есть целая подборка выписок, я с этим делом работала, из его бесед. Отец когда-то много разговаривал с людьми, и если удавалось записывать не на камеру, а на магнитофон, который подарил когда-то Юрий Петрович Власов, такой... А, сначала был подарен магнитофон

«Комета», вот такой вот большой, знаете вы? Такой. И я на нем писала, и я потом расшифровывала все эти беседы, и вот из этих бесед я вынимала характеристики Сталину. Понимаете, однозначно не могу сказать. Конечно, он сказал, что история разберется, она разденет его, снимет с него все одежды. Ну, он выражался таким высоким слогом, не говорил, что это то-то, то-то. Он сказал, что история разберется и вина его ясна и доказана.

02:42:54

А он кого-то обвинял в своей вот такой судьбе?

Нет. Наверное, нет. Он... У него были сложные отношения, и потом я в деле читала эти фамилии, но он их не называл ни провокаторами, ни доносчиками. Никак он их не называл. И действительно, в письме его из, а, в письме из лагеря, про которое я упоминала, что оно дошло неизвестно какими путями до мамы в Любим, туда, что там есть имя человека, который, наверное, он под давлением это сказал. Мы же понимаем, что их пытали, их... Я в воспоминаниях не даю этого имени, хотя я его знаю.

02:44:08

Это известное имя?

Да. Да. Нет, ну они все, понимаете, они все на этого давили, на этого давили. Что-то чуть-чуть отступил в сторону, сказал — ага, раз, «так, ты показал против этого». Вот что ведь было.

02:44:26

Светлана Ивановна, а мама как-то... Вы знаете, как она относилась к Сталину?

Вы знаете, наверное, у нас даже никогда вопросов не возникало об этом, я думаю. Ну да. А что тут говорить, когда ясно, что он разрешил эти все репрессии? Как тут? Вот в 1990-е годы, мама умерла в 1995 году, в 1990-е годы я подписалась, хотя это было, может быть, лишним, кто бы сказал, я подписалась на всё, на все вырезки из газет, из журналов, которые были возможны, о культе личности. Или как это? Ну, культ личности тогда не называли, и я очень многое прочитывала, конечно, не всё, потому что это сначала шли такие небольшие материалы, а потом это кипами было, и я не прочитывала. Потом я их отдала, может быть, частью в музей ГУЛАГа, а может быть, частью в музей Дома на набережной. Вот, кстати, когда отец вернулся из лагеря, ему надо было восстановить себя, ну как вот, с этим увидится, с этим увидится, не все однозначно относились, кто-то так спокойно или сделал вид. А, ну это есть в книге, что он на партконференции встретился, кто у Сталина, Поскребышев, и отец сказал, что, мол, я буду бороться за восстановление Павла, имени Павла, и — «Как? За этого хулигана?» — и отец сказал: «Нам с тобой не о чем разговаривать». Точно так же еще там два-три человека было, всё оборвали, всё, никаких [отношений], хотя он: «Сашка» — Поскребышев, а Сашка, он около большого человека. А вот я хочу продолжить мысль сейчас, значит, не все признали Гронского, не все радовались, но кто-то просто с открытыми счастливыми объятиями кидался: Ваня жив. Потому что годы такие, страшные, страшные, прошли, и вот казалось, вот оно, счастье. И когда в начале 1960-х годов была такая большая статья, не помню, кто ее автор, но можно установить, это нетрудно, «Небо остается чистым». И это была статья о летчике Мартыщенко. И этот Мартыщенко, он, по-моему, был здесь, но меня не было. Я была девчонкой, то ли в лагере, то ли где-то я была, на этой встрече не было меня. Но когда... Там буквально одна или две фразы благодарности Гронскому Ивану Михайловичу, за то, что он в лагере буквально спасал людей, и его тоже спас. Ну, что хотелось кому-то наложить на себя руки или еще как-то, что жизни не было. Понимаете, вот эта газета береглась, а так Гронский, он где-то в тени. Он думал, я думаю, что он думал, что он будет востребован. Нет. Ему в том же Институте мировой литературы давали возможность работать, но надо было писать о Горьком то, что уже и так было известно. Ну, что там? А то, что можно было написать или сказать, не разрешалось. И вот тогда было несколько бесед организовано сотрудников ИМЛИ с Гронским, они в виде бесед даже потом появились во французском сборнике. Нет, не во французском, наверное, а в нашем каком-то сборнике, но делал их француз Никё. Не слышали такого? Так что эти беседы есть. Это там вопрос и о Клычкове, и о Клюеве, как раз поднимался и всё это...

02:49:26

Ну вот вы говорите, когда я спросил, как мама относилась, вы говорили: как можно относиться? Хотя, на самом деле, знаете, мы общаемся со многими людьми. Просто интересно, как относились люди вашего круга, уровня ваших родителей, которые были сами в этом горе и сами всё знали прекрасно, [нрзб]. Потому что многие говорят: Сталин ничего не знал, это Берия всё виноват, нет, это не Берия, это Ежов. Какую-то чушь несут. Знаете, просто удивительно, когда у людей порушены какие-то причинно-следственные связи. Они не понимают, что надо дать команду, надо запустить, что Ежовы — это всё винтики, и так далее. И, конечно, ваши родители это

понимали. А как, интересно, а они считали, что... Как они свою прожитую жизнь как бы, не то что объясняли, они жалели?

Они были счастливы, по-моему, счастливы тем, что они встретились — раз. Родители, пережив такой сложный период, арест, война, такие лишения страшные. И когда они встретились, хотя было вот в этой квартире иной раз 11 человек только своих, это было тяжело, очень тяжело, потому что у всех разные характеры, разные возможности, жены не работали, потому что дети маленькие были, и были недовольства какие-то, всё по-разному, но тем не менее родители жили для детей, с детьми, для них всё, и они были счастливы, я думаю, еще и потому, что еще целый кусок большой жизни им был отпущен. Папа умер в 1985-м, мама в 1995-м. Им, вот считайте, с 1953 года, вы представляете, 30 лет, мама 40 лет еще прожила, это просто счастье. И счастье жить, быть, видеть, читать. Когда начали книги поступать, вот это, подписные, мама вообще прочитывала ночи, сидела, просиживала, читала. Перерывчик бы небольшой чуть-чуть, ну ладно.

02:51:57

Да у меня буквально два вопроса. Во-первых, конечно, они прожили долго, по 90 лет они прожили, это очень-очень конечно... У меня буквально два вопроса. Первый вопрос: как вам кажется, что надо сделать, чтобы этого не повторилось? Потому что история, как известно, она идет по кругу, я имею в виду период репрессий.

Знаете, мне, я наивный человек, я здесь недалёкозоркая, и мне кажется, что это ни за что не должно было бы такое повториться. Но некоторые события, некоторые моменты, вообще, просто заставляют задуматься. И тут как-то, не далее как месяца два тому назад, по телевидению была такая передача, по «Культуре». Я не могу вспомнить название этой передачи, но, значит, лектор что-то рассказывает о художественных произведениях, о Босхе, о том, о сем, о Брейгеле. И как бы ни с того ни с сего показывают, ну, об этих картинах, об узлах этих вот картин, там же очень интересные у них моменты рассматриваются. И одна из последних картин была, это вот «Слепой ведет слепых». Вы знаете, я просто подумала: кошмар! Эзопов язык возвращается. Хотя мне трудно в это поверить.

02:53:39

И последний у меня вопрос. Вот есть такое выражение: «Не надо ворошить прошлое». Типа, не надо, мы сейчас, вот есть сталинский период, все эти репрессии, не надо это вспоминать. Прошло — прошло, забыли — забыли, жизнь пошла дальше. Как вы относитесь к этому выражению?

Нет, конечно, надо помнить, знать. Ну а как это? А как это не знать? Да, есть люди, ну зачем это? У меня есть близкие люди, которые считают, что, ну, «что ты смотришь в прошлое, зачем?» Ну как? Во-первых, оно дорого. Люди были, есть, они будут. И если мы о них не будем вспоминать, то как мы будем жить дальше? Что, только своими нуждами? Сегодня попил, пошел в кино сходил, съездил куда-то, купил себе новую футболку. Этим жить? Нет. Ну, не знаю, у меня, так сказать, родители были идейные, я тоже где-то, наверное, осталась где-то такой вот. Поэтому я это всё люблю, берегу, и я хочу, чтобы это жило, помнилось и без меня. Конечно, у меня есть думы о будущем, как это всё будет, потому что уж больно как-то непонятно, шатко, особенно сейчас, в последнее время, это просто...